

Н. И. Надеждин

"Новоселье"

Часть вторая

1834, СПб.

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/nadejdin.htm>
Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. - М., 1972.

Не знаем, почему в некоторых журналах к сему заглавию было прибавлено слово: последнее. Его нет на заглавном листе, и, следовательно, издатель не сказал этого: к чему ж такое прибавление? С некоторого времени в литературе нашей очень заметно просвечивает расчетливое намерение, как говорится, *заинтересовать* читателей. Можно бы указать не один десяток заглавий разного рода книг, слишком явно эту цель обнаруживающих, потому что содержание вовсе не соответствует названию, которое как будто выбрано с умыслом и заманчивостью своей может завлечь на покупку книги с почтовой пересылкой. Если требуют от людей, чтобы они, в силу здравого смысла и добросовестности, каждую вещь называли *своим* именем, почему бы это справедливое требование не распространить и на книги? Почему бы не поставить каждому автору или издателю в обязанность давать книге своей такое заглавие, которое бы не могло ввести в грех читателя? Но это повело бы слишком далеко, и, если бы, для опыта, перекрестить иные сочинения именами им приличными, какой бы беспорядок, настоящая революция произошла бы в каталогах наших! Сколько глубокомысленных по заглавию сочинений попало бы тогда в разряд беспутных сборников, сколько романов в сказки, историй в пристрастные компиляции, поэм в опыты грамматических ошибок и т. п.! Всего заметнее эта несообразность названий книг в газетных публикациях, которые с удивительным хладнокровием рассказывают то, чему нет никакой возможности верить, и по которым, однако, многие на авось покупают. Станем надеяться, что со временем критика возьмет законные права свои и переправит многие заглавия книг и надписи на вывесках. Это почти, в наш век вывесок, одно и то же. Вглядитесь -- и вы удивитесь, что даже формы титулов и вывесок наших дружно изменяются, и в одно то же время пестрят буквами, похожими на египетские иероглифы. Но вот что значит увлекаться обязанностью журнальной! Мы начали с "Новоселья", а кончили вывесками! Заглавная вывеска -- виноваты! -- заглавный листок "Новоселья" изображает книжную лавку, вероятно ту ж самую, которую видели мы при верной части наполненную литераторами с рюмками в руках. Только на сей год на картинке нет никакой посуды: она изображает толпу народа, даже несколько дам, пришедших, верно, за книгами. Замечательны две фигуры впереди, от прочих отделившиеся. Они стоят в каком-то сомнительном разговоре, одна с листком в руках, и, судя по выражению лиц, кажется, не очень радуются тому, что напечатано. Находим, что эта картинка весьма хороша и прилична к изданию.

Издание "Новоселья" опрятно и красиво по-прежнему, но довольно однообразно содержанием, невзирая на 24 статьи, в нем помещенные (10 прозы и 14 стихов). Может быть, тому причиной небольшое число участников, ибо большую половину книги составляют три статьи известного Барона Брамбеуса. Боясь упрека в неотчетливости, представим подробный отчет нашим читателям обо всех статьях "Новоселья" -- будто бы *последнего*, -- следуя порядку их помещения.

"Чин-Чун, или Авторская слава", соч. Брамбеуса. Действие, как и всех изобретений воображения сего писателя, в Азии; содержание есть пошлый рассказ о неудачах китайского писателя, который можно было Барону, без большого труда, представить, и представить даже в лицах, пожалуй хоть в России; статья ничего б тогда не потеряла, ибо в ней столько же китайской достоверности, как и в садовой беседке а la Chinoise {на китайский манер (*франц.*)}. -- *Ред.* -- выстроенной; сверх того, она была бы понятнее и даже вероятнее в русских нравах, ибо у нас есть на все блистательные, живые примеры.

"Балтийское видение", стихотворение кн. Вяземского, которого так давно не встречая в повременных изданиях, находим мы в "Новоселье" не один раз. Пьеска сия, состоящая из 20 стихов, ничем не отличается. За нею следует его же "Послание графу Соллогубу", которое имеет относительное достоинство (может быть, приятного для того, к кому адресовано) воспоминания о красавице Эмилии. Кстати о посланиях вообще. Заметим, что в поэзии или стихотворстве нашем, как и во всем, есть приемы уже устаревшие; к числу таковых принадлежит, кажется, и послание; оно как-то невольно напоминает элегии, экспромты, мадригалы и прочее, и прочее, и прочее -- все эти лоскуточки бывалого костюма